

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.3>

Беляков Дмитрий Александрович

РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА Т. МАННА "ВОЛШЕБНАЯ ГОРА" В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Статья посвящена исследованию малоизученной истории рецепции романа Томаса Манна "Волшебная гора", занимающего особое, "промежуточное", положение в его творческом наследии. Рассматриваются разнонаправленные тенденции в изучении "Волшебной горы", преобладающие в отечественном и зарубежном литературоведении XX - начала XXI в.; выявляются релевантные исследовательские лакуны. Особое внимание уделяется жанровому своеобразию романа, а также его психологизму. Делается вывод, что будущее принадлежит исследованиям, в которых эволюция повествовательных форм в романе анализируется в неразрывной связи с динамикой душевной жизни главного героя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 2. С. 226-229. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-31

Дата поступления рукописи: 14.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.3>

Статья посвящена исследованию малоизученной истории рецепции романа Томаса Манна «Волшебная гора», занимающего особое, «промежуточное», положение в его творческом наследии. Рассматриваются разнонаправленные тенденции в изучении «Волшебной горы», преобладающие в отечественном и зарубежном литературоведении XX – начала XXI в.; выявляются релевантные исследовательские лакуны. Особое внимание уделяется жанровому своеобразию романа, а также его психологизму. Делается вывод, что будущее принадлежит исследованиям, в которых эволюция повествовательных форм в романе анализируется в неразрывной связи с динамикой душевной жизни главного героя.

Ключевые слова и фразы: Томас Манн; манноведение; рецепция романа «Волшебная гора»; жанровое своеобразие; психологизм.

Беляков Дмитрий Александрович

Московский государственный лингвистический университет

d_belyakov@bk.ru

РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА Т. МАННА «ВОЛШЕБНАЯ ГОРА» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Длительный период работы над задуманным в 1913 г. и опубликованным в 1924 г. романом «Волшебная гора» – время не только глобальных исторических перемен, но и значительной трансформации художественных установок Томаса Манна. Вероятно, именно в этом «промежуточном положении» (Х.-Г. Гадамер) «Волшебной горы» причина того, что подходы к изучению романа могут считаться, по утверждению авторитетных немецких критиков [26, S. 188], принципиальными для всего «манноведения» (Thomas Mann Forschung), поскольку во многом организуют его парадигму. Именно этим обстоятельством обусловлена цель данной статьи, состоящая в том, чтобы проследить эволюцию рецепции истории Ганса Касторпа в отечественном и зарубежном литературоведении. Для этого мы остановимся на классических трудах по исследуемому роману, а также обратимся к наиболее значимым современным работам.

Первая публикация романа «Волшебная гора» на русском языке увидела свет в 1934-1935 гг. – в рамках шеститомного собрания сочинений Т. Манна под редакцией В. А. Зоргенфрея (1934-1938 гг.). Р. М. Миллер-Будницкая, автор вступительной статьи (1935) к этому изданию, так характеризует творческий путь Манна: исповедующий «фрейдистскую философию искусств» писатель повествует о «крушении всечеловеческой культуры» и в конечном счете оказывается в «бесплодной, выжженной солнцем пустыне» [12, с. VI, XV, XXXII]. Каждый из персонажей романа «Волшебная гора» получает строгую отповедь. Сеттембрини – как прошлое западной цивилизации, мадам Шоша – как ее декадентское настоящее, Нафта – как тоталитарное будущее. Беренс предстает апологетом механистического материализма, Кроковский – мистического идеализма. «Снежное» видение Ганса Касторпа – «предсмертный сон» капиталистической западной культуры [Там же, с. XXIII]. В статье Е. Г. Лундберга «Путь Томаса Манна» (1936) «Волшебная гора» удостоивается еще более критической оценки и трактуется как «садистский» роман [9, с. 113].

Вступительная статья Б. Л. Сучкова (1959) к первому тому десятитомного собрания сочинений Т. Манна (1959-1961) – одна из первых в советском литературоведении масштабных работ о совокупном творческом наследии писателя, во многом определяющая парадигму дальнейшей рецепции «Волшебной горы». Исследователь расставляет идеологически выдержанные акценты, подчеркивая, что роман пронизан безжалостной критикой «буржуазного» общества и свидетельствует о том, что его автор «начинает склоняться к социализму» [16, с. 27]. Особое внимание уделяется критике Манном иррационализма (в т.ч. «модных теорий фрейдизма» [Там же, с. 34]), готовящего почву для фашизма. При этом единственным «здоровым» персонажем, олицетворяющим возможность выхода из непродуктивного пространства споров Сеттембрини и Нафты, является, согласно автору статьи, навеянная русской революцией 1917 г. Клавдия Шоша с ее подчеркнута «небуржуазной» позицией [Там же, с. 33]. В посвященной «Волшебной горе» главе книги «Томас Манн. Очерк творчества» (1960) В. Г. Адмони и Т. И. Сильман также подчеркивают роль Клавдии Шоша в развитии Ганса. Русская пациентка является «первичным толчком» в его воспитании и «его постоянным сопутствующим элементом» [2, с. 164].

Более глубокий и разносторонний анализ содержится в исследовании С. К. Апта «Томас Манн» (1972). Оно интересно, прежде всего, интерпретацией образа мингера Пеперкорна, который, снимая одним своим присутствием «тезис» Сеттембрини и «антитезис» Нафты, предстает «намеком на гуманистический идеал автора» [3, с. 209]. Важными представляются и сомнения в жизнеспособности бюргера в новых исторических условиях [Там же, с. 190]. М. С. Кургиян одна из первых в отечественном литературоведении намекает возможность дифференцированного подхода к жанровой природе «Волшебной горы». В своей монографии «Романы Томаса Манна (формы и метод)» (1975) исследовательница предлагает исходить из того, что в случае с Гансом Касторпом речь идет не столько о традиционном романе воспитания, сколько о более

широком жанровом образовании, включающем «не только собственно воспитательный, позитивный для формирования личности опыт, но и столкновение молодого человека со всей сложностью жизни» [7, с. 162]. Касаясь психологического аспекта романа, исследовательница категорична в оценке Кроковского: его деятельность – пример «глумления и над наукой, и над здоровьем, и над нормальными чувствами нормального человека» [Там же, с. 174]. В то же время анализ поведения Касторпа приводит исследовательницу к подлинно психоаналитическому выводу о том, что «бессознательные поиски ухода от этой подавленности и определяют уход Ганса в неведомые ему духовные выси» [Там же, с. 207].

Е. М. Мелетинский уделяет значительное внимание анализу романа «Волшебная гора» в своей монографии «Поэтика мифа» (1976) (глава «Антитеза: Джойс и Томас Манн»). Наиболее перспективным представляется тот факт, что исследователь один из первых отечественных ученых упоминает аналитическую психологию К. Г. Юнга в контексте изучения романа Т. Манна [10]. Центральный тезис новаторской работы В. Д. Днепров «Интеллектуальный роман Томаса Манна» (1980) состоит в необходимости преодоления наивного представления, согласно которому рациональный просветитель в духе XVIII в. – единственная часть личности человека начала XX в.: «Каждый человек синтезирует в себе классика и романтика, рациональное и интуитивно-психологическое, ясное и глубинное» [5, с. 344]. Особое место этого исследования в советском литературоведении обусловлено тем, что к своим выводам ученый приходит посредством не вполне «конвенционального» деидеологизированного восприятия работ Фрейда, а также разъяснения некоторых ключевых психоаналитических терминов (например, «принципа удовольствия»). Тем не менее образ доктора Кроковского остается без внимания исследователя.

В отличие от В. Д. Днепров А. А. Федоров в книге «Томас Манн. Время шедевров» (1981) предпринимает попытку доказать, что интерпретировать «Волшебную гору» следует как роман, изображающий столкновение обреченного декаданса, представленного обитателями санатория, и здорового бюргерского мировоззрения – полновесной истины, которой Касторп изначально обладает. Интенция же писателя направлена главным образом на борьбу с релятивизмом [17, с. 85-86]. Ученый категорически отрицает значимость влияния теорий А. Шопенгауэра и З. Фрейда на поэтику романа [Там же, с. 94, 113].

В монографии «Типология немецкого романа (1900-1945)» (1982) Н. С. Павлова, рассматривая жанровую природу «Волшебной горы», делает важное замечание о том, что в отличие от классической немецкой традиции Ганс Касторп «не учился у жизни, а “воспитывался” вопреки захватившему ее “тупоумию”» [13, с. 46]. К концепции новой гуманности герой тоже во многом приходит вопреки внушениям своих менторов: Сеттембрини с его «порхающими над жизнью» мечтами и Нафте с его «выжженной пустыней нигилизма» [Там же, с. 33]. Не менее значимой представляется общая идея цикла статей А. В. Карельского «От героя к человеку: два века западноевропейской литературы» (1990), раскрываемая в т.ч. на материале романов Т. Манна и состоящая в неуклонной эволюции западноевропейской литературы от изображения объектного героя к исследованию субъектной личности [6].

Не угасает интерес отечественных литературоведов к роману «Волшебная гора» и в конце XX – начале XXI в. В кандидатской диссертации Д. С. Петрова «Томас Манн как мыслитель и гуманист: опыт социально-философского анализа» (2003) особый интерес представляет вторая глава. Диссертант замечает, что роман Т. Манна являет собою пример осмысления природы архетипа, однако не развивает эту мысль и не связывает ее с эволюцией героя. Д. С. Петров ограничивается промежуточным выводом о том, что в случае с Касторпом архетип жизнеутверждающей любви, актуализирующий интерес к общественной и государственной жизни, сменяется архетипом романтической смертоносной любви [15, с. 94-115]. Рассмотрению «Волшебной горы» в контексте истории и теории жанра романа воспитания (Bildungsroman) посвящена значительная часть пятой главы докторской диссертации В. Н. Пашигорева «Роман воспитания в немецкой литературе XVIII-XX веков. Генезис и эволюция» (2005). Исследователь выделяет три этапа эволюции главного героя: воспитание инстинктом (Клавдия Шоша), воспитание рационализмом (Сеттембрини) и «воспитание» самоубийством Нафты, символизирующим нежизнеспособность его реакционной философии [14, с. 195-276]. Вопрос о формирующем героя воздействии Кроковского, Беренса и Пеперкорна в диссертации В. Н. Пашигорева не рассматривается. Т. Мельник, автор вступительной статьи к очередному переизданию «Волшебной горы» в 2010 г., отмечает, среди прочего, что история Касторпа выходит за рамки традиционного романа воспитания: не только герой, но и «сама новоевропейская культура приходит к духовной зрелости» [11, с. 22]. Заслуживает внимания работа Е. В. Бариновой «Жанровое своеобразие романа Томаса Манна “Волшебная гора”» (2010). Исследовательница подчеркивает важный как в формальном, так и в содержательном отношении факт синтеза жанровых разновидностей романа, сводя их к следующему перечню: роман воспитания, интеллектуальный роман, автобиография [4].

Обоснованию концепции «Волшебной горы» как романа катастрофы посвящена четвертая глава докторской диссертации С. Н. Аверкиной «Рецепция австрийской литературы эпохи бидермайер в творчестве Томаса Манна» (2013). Особенно актуальным представляется авторское наблюдение, согласно которому за привязанностью к феноменологии вещи, во многом обуславливающей идиличность бидермайера, таится предчувствие неотвратимой катастрофы [1, с. 238-256]. В главе «Томас Манн», написанной Г. В. Якушевой для коллективной монографии «Литературный процесс в Германии первой половины XX века (ключевые и знаковые фигуры)» (2015), отмечается связь «Волшебной горы» с «Фаустом» И. В. Гёте и выделяется мотив зла, необходимого для сохранения мирового порядка. Исследовательница проецирует этот мотив на образ Лео Нафты,

предпринимая попытку освободить его от традиционно монологической негативной интерпретации [18, с. 343]. Кандидатская диссертация Ю. Н. Лебедевой «Феномен бюргерства и повествовательный метод романов Томаса Манна» (2015) посвящена в т.ч. анализу отображения бюргерской психологии на нарративном уровне «Волшебной горы». Намечается, но не получает иллюстративного выражения многообещающий тезис, касающийся ценностной позиции повествователя: «Усложнение проблематики бюргерского мира предполагает более сложное и трудно определимое отношение к нему» [8, с. 157].

В немецком литературоведении можно с известной степенью условности наметить четыре основных направления интерпретации «Волшебной горы».

Первое направление: исследование истории Ганса Касторпа как романа воспитания (или его многочисленных новаторских модификаций). Решающее значение здесь имеет акцентирование восходящей градации романа. Одним из первых сформулировал такой подход к «Волшебной горе» А. Элессер в своей монографии 1925 г. «Томас Манн. Жизнь и творчество» [22]. Нельзя не отметить роль американского филолога Г. Дж. Вейганда в становлении данной парадигмы, чью работу [35] Манн выделил в своем принстонском докладе о «Волшебной горе». К выводам о «воспитательной» (Bildung) жанровой природе романа Т. Манна в разное время приходили также Й. Шарфшвердт [32], Р. Зельбманн [34], М. Нойманн [29].

Второе магистральное направление: прочтение «Волшебной горы» в качестве антивоспитательного (в широком понимании) романа. В его основе – инволюционная тенденция истории, обуславливающая стагнацию и / или деградацию личности Ганса, а также окружающего его социума. Одна из первых работ, демонстрирующая подход к роману Манна как к хронике декаданса, – вышедшая в свет в 1925 г. статья В. Шумана [33]. Особую роль в утверждении этой парадигмы сыграла более поздняя работа – монография Б. Кристиансена, обосновавшего конституирующую роль метафизики А. Шопенгауэра в поэтике романа [25]. Значительное место в своих исследованиях уделил данному вопросу Г. Визлинг, подчеркивавший, что основной причиной «путаницы» в манноведении послужили неоднократные упоминания самим Т. Манном «Волшебной горы» в контексте немецкого романа воспитания, а ее героя Ганса Касторпа – в неразрывной связи с Вильгельмом Мейстером. Эта освященная авторитетом писателя шаблонная формула в течение значительного времени якобы затмевала собою объективную сущность жанровой природы романа [36].

Отдельно стоит остановиться на исследованиях литературоведов ГДР, которые в силу своей специфики зачастую располагаются на границе первого и второго направлений. Наиболее показательна в этом отношении работа И. Дирзен, которая решает проблему жанровой специфики романа через призму идеологии. Озарения Ганса не находят в развязке «Волшебной горы» практической реализации в силу исчерпанности возможностей «буржуазного реализма». Подлинное развитие, подчеркивает исследовательница, было бы возможно лишь в случае перехода писателя на позицию рабочего класса. Таким образом, Манн, несмотря на свой воспитательный гуманистический пафос, оказывается своего рода заложником традиции позднебуржуазного романа воспитания, инволюционирующего к роману разочарования [21, S. 135].

Третье направление: прочтение «Волшебной горы» в качестве т.н. «александрийского романа». Термин, отсылающий к художественной практике ученых-литераторов в эллинистической Александрии, ввел Э. Хефтрих, исходивший из того, что конструктивный принцип «Волшебной горы» – интертекстуальная игра с мифологическими, философскими и литературными источниками; своего рода чистое искусство [23]. Разделяли эту установку Х. Коопманн [24], Г. Ленерт [27], Л. Зандт [31]. Условность третьего направления состоит в том, что в конечном счете характер цитатности так или иначе маркирует отношение исследователя к категории Bildung: так, Э. Хефтрих в выводах к своей уже упомянутой книге классифицирует текст Манна как «александрийский воспитательный роман». А М. Диркс, анализируя рецепцию идей З. Фрейда в романе, делает заключение о его нисходящей – антивоспитательной – структурной линии [20]. Говоря о М. Дирксе, необходимо заметить, что исследуемая в его многочисленных работах проблема рецепции Т. Манном психоанализа является одной из наиболее актуальных в немецкоязычном манноведении второй половины XX в.

Как правило, вне вышеупомянутых контекстов находятся исследования в духе структурализма и нарратологии, образующие условную четвертую группу. Таковы, например, посвященные повествовательным техникам и приемам монографии Г. Райса [30], Э. Абади [19] и Б. Молля [28].

Из проанализированного в статье перечня научных трудов следует, что в отечественном литературоведении преобладают комплексные обзорные исследования творчества Т. Манна. Отсутствуют монографии, посвященные исключительно роману «Волшебная гора». В немецкоязычной науке о литературе существует целый ряд исследований такого типа, однако актуальная проблема дифференцированного изучения жанровой природы романа остается в тени. С другой стороны, в отечественном литературоведении вопросы, связанные с рецепцией Т. Манном глубинной психологии, практически не рассматривались. В немецкоязычном литературоведении влияние классического психоанализа З. Фрейда и аналитической психологии К. Г. Юнга на художественную практику Т. Манна в целом и на роман «Волшебная гора» в частности изучались основательно – однако вне какой-либо связи с поэтикой типологических разновидностей романа Нового и Новейшего времени. Таким образом, можно сделать вывод о том, что назрела необходимость синтеза этих подходов. Наиболее перспективными представляются исследования, в которых эволюция форм жанровой объективации в романе Т. Манна «Волшебная гора» изучается в контексте открытий социогуманитарной науки первой четверти XX в., проливающих свет на динамику психической жизни индивида и закономерности развития его личности.

Список источников

1. **Аверкина С. Н.** Рецепция австрийской литературы эпохи бидермайер в творчестве Томаса Манна: дисс. ... д. филол. н. Н. Новгород, 2013. 398 с.
2. **Адмони В. Г., Сильман Т. И.** Томас Манн: очерк творчества. Л.: Советский писатель, 1960. 350 с.
3. **Апт С. К.** Томас Манн. М.: Молодая гвардия, 1972. 349 с.
4. **Барина Ю. В.** Жанровое своеобразие романа Томаса Манна «Волшебная гора» // Куляшовские чтения: материалы международной научно-практической конференции: в 2-х ч. / отв. ред. Л. Килевая. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. Ч. 1. С. 275-280.
5. **Днепров В. Д.** Интеллектуальный роман Томаса Манна // Днепров В. Д. Идеи времени и формы времени. Л.: Советский писатель, 1980. С. 307-384.
6. **Карельский А. В.** От героя к человеку: два века западноевропейской литературы. М.: Советский писатель, 1990. 405 с.
7. **Кургинян М. С.** Романы Томаса Манна (формы и метод). М.: Художественная литература, 1975. 336 с.
8. **Лебедева Ю. С.** Феномен бюргерства и повествовательный метод романов Томаса Манна: дисс. ... к. филол. н. М., 2015. 203 с.
9. **Лундберг Е. Г.** Путь Томаса Манна // Интернациональная литература. 1936. № 10. С. 110-123.
10. **Мелетинский Е. М.** Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 406 с.
11. **Мельник Т.** Рождение героя из таинства времени // Манн Т. Волшебная гора. М.: АСТ, 2010. С. 5-22.
12. **Миллер-Будницкая Р. М.** Смерть культуры // Манн Т. Собрание сочинений: в 6-ти т. Л.: ГИХЛ, 1935. Т. 1. С. V-XXXII.
13. **Павлова Н. С.** Типология немецкого романа (1900-1945): монография. М.: Наука, 1982. 280 с.
14. **Пашигорев В. Н.** Роман воспитания в немецкой литературе XVIII-XX веков. Генезис и эволюция: дисс. ... д. филол. н. Ростов н/Д, 2005. 333 с.
15. **Петров Д. С.** Томас Манн как мыслитель и гуманист: опыт социально-философского анализа: дисс. ... к. филос. н. М., 2003. 153 с.
16. **Сучков Б. Л.** Томас Манн // Манн Т. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 1. С. 5-62.
17. **Федоров А. А.** Томас Манн. Время шедевров. М.: Изд-во Московского университета, 1981. 336 с.
18. **Якушева Г. В.** Томас Манн // Литературный процесс в Германии первой половины XX века (ключевые и знаковые фигуры) / отв. ред. В. Д. Седельник и др. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 318-369.
19. **Abadi E.** Erzählerprofil und Erzähltechnik im Roman „Der Zauberberg“. Münster: Lit Verlag, 1998. 240 S.
20. **Dierks M.** Studien zu Mythos und Psychologie bei Thomas Mann. Frankfurt a/M: Vittorio Klostermann, 2003. 293 S.
21. **Diersen I.** Thomas Mann: episches Werk, Weltanschauung, Leben. Berlin – Weimar: Aufbau-Verlag, 1975. 433 S.
22. **Eloesser A.** Thomas Mann. Sein Leben und sein Werk. Berlin: Fischer Verlag, 1925. 207 S.
23. **Heftrich E.** Zauberbergmusik. Über Thomas Mann. Frankfurt a/M: Vittorio Klostermann, 1975. 383 S.
24. **Koopmann H.** Die Entwicklung des „Intellektuellen Romans“ bei Thomas Mann. Untersuchungen zur Struktur von „Buddenbrooks“, „Königliche Hoheit“ und „Der Zauberberg“. Bonn: Bouvier & Company, 1962. 174 S.
25. **Kristiansen B.** Uniform – Form – Überform: Thomas Manns „Zauberberg“ und Schopenhauers Metaphysik. København: Akademisk Forlag, 1978. 390 S.
26. **Kurzke H.** Thomas Mann. Epoche – Werk – Wirkung. München: C. H. Beck Verlag, 2010. 349 S.
27. **Lehnert H.** Thomas Mann. Fiktion, Mythos, Religion. Stuttgart: Kohlhammer, 1965. 267 S.
28. **Moll B.** Störenfriede: Poetik der Hybridisierung in Thomas Manns „Zauberberg“. Frankfurt a/M: Vittorio Klostermann, 2015. 288 S.
29. **Neumann M.** Ein Bildungsweg in der Retorte. Hans Castorp auf dem Zauberberg // Thomas Mann Jahrbuch 10 / hrsg. von E. Heftrich, Th. Sprecher. Frankfurt a/M: Vittorio Klostermann, 1997. S. 133-148.
30. **Reiss G.** „Allegorisierung“ und moderne Erzählkunst. Eine Studie zum Werk Thomas Manns. München: W. Fink, 1970. 256 S.
31. **Sandt L.** Mythos und Symbolik im „Zauberberg“ von Thomas Mann. Bern: P. Haupt, 1979. 365 S.
32. **Scharfschwerdt J.** Thomas Mann und der deutsche Bildungsroman. Eine Untersuchung zu den Problemen einer literarischen Tradition. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1967. 284 S.
33. **Schuman W.** Zwischen Gestern und Morgen // Kunstwart und Kulturwart. 1925. № 38. S. 201-205.
34. **Selbmann R.** Der deutsche Bildungsroman. Stuttgart – Weimar: Metzler, 1994. 204 S.
35. **Weigand H. J.** Thomas Mann's Novel "Der Zauberberg". A Study. N. Y., 1933. 183 p.
36. **Wysling H.** Der Zauberberg // Thomas-Mann-Handbuch / hrsg. von H. Koopmann. Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 2005. S. 397-422.

**RECEPTION OF THE NOVEL “THE MAGIC MOUNTAIN”
BY THOMAS MANN IN DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE**

Belyakov Dmitrii Aleksandrovich
Moscow State Linguistic University
d_belyakov@bk.ru

The article is devoted to the research of the poorly studied history of the reception of the novel “The Magic Mountain” by Thomas Mann, which occupies a special, “intermediate” position in his creative heritage. Multidirectional tendencies in the study of “The Magic Mountain” that prevail in the Russian and foreign literature of the XX and early XXI centuries are considered. Relevant research lacunae are identified. Particular attention is paid to the genre originality of the novel, as well as its psychologism. The author concludes that the future belongs to the research, in which the evolution of narrative forms in the novel is analysed in close connection with the dynamics of the main character’s mental life.

Key words and phrases: Thomas Mann; Thomas Mann studies; reception of the novel “The Magic Mountain”; genre originality; psychologism.